

Максим Орлов

Обратная Сторона Тишины. Книга I

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Орлов

**Обратная Сторона
Тишины. Книга I**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Обратная Сторона Тишины. Книга I / М. В. Орлов — «Автор»,
2026

Планета Реквием после Катастрофы превратилась в кошмарный мир, где психосфера, вышедшая из-под контроля, порождает Воплей — нематериальных существ, материализуемых невысказанными словами и невыраженными эмоциями. Контролировать хаос пытаются Цензоры, устанавливающие режим абсолютной тишины и беспощадно подавляющие любые проявления звука. Единственное оружие против Воплей — Барды, музыканты, способные играть особые риффы, разрушающие эти существа. Одним из них является слепой Черный Бард Ларс Кривозвуч, страдающий от прогрессирующего заболевания — остывания, превращающего его тело в ледяную статую. Получив приказ сопровождать необычную девушку, способную петь Песнь Земли, Ларс отправляется в путешествие через ледяные пустоши и древние руины к Центру Тьмы — месту, где психосфера прорвалась наружу, образовав Устье. Но задание оказывается ловушкой: Цензоры планируют использовать голос девушки как оружие массового поражения, способное уничтожить всю жизнь на планете.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

## Глава 1. Частота вымирания	5
## Глава 2. Приказ в чужой крови	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Орлов

Обратная Сторона Тишины. Книга I

Глава 1. Частота вымирания

Часть первая. Начало пути

Снег не скрипел. Это было первым, что уловил Ларс, когда ворота Глушителя сомкнулись за его спиной, словно челюсти сытого зверя. Настоящий, правильный снег на Реквиеме никогда не скрипел под ногами. Он шуршал, словно раздавливаемое стекло, или вздыхал, оседая под весом тела. Скрип означал дисгармонию, а дисгармония будила Воплей.

Потому Ларс ступал медленно, осторожно перекачивая ступню с пятки на носок, чувствуя через изношенную кожу унтов каждый миллиметр рельефа. За спиной, в чехле из дублёной шкуры гудуна, покоилась его лакированная гитара — «Молчунья». Гриф инструмента выглядывал наружу, обмотанный полосками войлока. Войлок гасил случайные вибрации. Войлок был здесь вторым богом после Тишины.

Мёртвый Узел, последний Глушитель на границе промёрзшего сектора, провожал его взглядами. Ларс ощущал их затылком — не зрительно, а инстинктивно, как животное чувствует добычу. Взгляды были липкими, словно смола акустических деревьев. Здесь не выкрикивали проклятий вслед. Здесь просто молча плевали под ноги, и плевки застывали на лету, не успев коснуться земли. Цензоры учили: эмоция — это звук души. Любой звук должен быть обнулён.

— Бард уходит, — прошелестел кто-то за спиной. Не вопрос, не утверждение — констатация факта, тихая, как молитва. — Его частота угасает. Слышите гул?

Ларс не обернулся. Он слышал не гул, а биение собственного сердца — тяжёлое, с переборами. Левое предсердие давало сбой на каждом четвёртом ударе, и этот микро-сбой отдавался в позвоночник, туда, где из кожи выходили оптические кабели, соединяющие нервную систему с резонатором «Молчуньи». Десять лет он носил в себе эту боль. Десять лет боль была его камертоном.

Глушитель остался позади, растворившись в белой мгле. Ларс остановился только у первого акустического столба — двухметрового менгира, вытесанного из чёрного базальта и покрытого рунами подавления. Столб едва заметно вибрировал, генерируя защитное поле белого шума. Здесь, в радиусе ста метров, можно было говорить, не боясь, что голос материализует нечто из психосферы. Ларс прислонился спиной к тёплому камню, стянул с лица замороженную маску из кожи летучей мыши и вдохнул. Воздух пах озоном и старой кровью. Обычный коктейль.

Он провёл пальцами по грифу «Молчуньи», не снимая её с плеча. Струны отозвались беззвучной дрожью, прошедшей через войлок прямо в кость. Они были настроены. Все семь. Первая, «Крикуня», сплетённая из нервных волокон его собственной левой руки, отозвалась острой, почти эйфорической болью. Ларс усмехнулся в седую бороду.

Старый волк уходит на север умирать. Это было правильно. Это было в порядке вещей. Волки Реквиема не издыхали в берлогах, окружённые воем стаи. Они уходили в Белое Безмолвие, чтобы отдать своё мясо льду, а последний, предсмертный рык — ветру. Только его рык, если он сорвётся, мог стать последним аккордом, способным разбудить нечто в глубинах ледника. Нужно было уйти подальше. Туда, где даже Вопли вымерзают на лету.

Он оттолкнулся от столба и снова шагнул в тишину, которая была громче любого крика.

Часть вторая. Древний лес и первый враг

Путь на север лежал через Ископаемый Лес. Когда-то, до Прибытия, до того как колонисты «Новой Гармонии» совершили Первую Ошибку, здесь шумел настоящий лес. Теперь же

это было кладбище деревьев, обращённых в чёрный обсидиан мгновенным выбросом психосферы. Их ветви, острые, как бритвы, тянулись к серому небу, и ветер, проходя сквозь них, рождал не шелест, а низкий, вибрирующий вой — словно сам лес помнил свою гибель и тихо, бесконечно оплакивал её.

Ларс помнил карту, выжженную в памяти Цензорами перед тем, как его изгнали. Или он сам ушёл? Это не имело значения. Он помнил тропу. Тридцать километров через окаменевшие заросли, потом русло высохшей реки Стикс, потом Ледяной Перевал. Там, за перевалом, не было никаких карт. Только Белое Безмолвие. Только Смерть.

Он шёл не останавливаясь. Тело работало как отлаженный механизм: шаг — вдох, шаг — выдох. Мышцы ныли привычной, фоновой болью. Организм, приученный к голоду и холоду, экономно расходовал энергию ламп. Три лампы «Молчуны» — две на корпусе, одна в грифе — питались от жидкой ртути, циркулирующей по капиллярам, вживлённым ему в позвоночник. Ртуть была его кровью в той же мере, в какой кровь была его кровью. Когда она остынет, он превратится в статую. А пока — он шёл.

На третьем часу пути он почувал Вопль.

Запах Воплей ни с чем не спутать. Они пахли жжёным кварцем и гниющим мхом. Это был запах разложения, пропущенный через усилитель. Ларс замер на полушаге, повернул голову, сканируя пространство не зрением, но слухом, вибрацией, интуицией. Сначала ничего. Потом низкий, утробный звук, от которого снег на ветвях обсидиановых деревьев пошёл рябью.

Инфразвук. Опасная тварь. Не из тех, что материализуется в виде костяных големов или визжащих бестий. Эта работала на частотах, которые не слышит ухо, но чувствует кишка. Ларс медленно, не делая резких движений, стянул «Молчунью» с плеча. Пальцы правой руки коснулись резонаторного отверстия, левая легла на гриф. Он не снимал войлок со струн. Пока.

— Выходи, — сказал он одними губами. Звук, сорвавшийся с них, был тише, чем падение снежинки. Но Вопль услышал.

Снег впереди взорвался без звука, разлетевшись безмолвными клочьями, и из-под земли, проломив корку наста, вылезло Оно. Трёхметровая фигура, состоящая, казалось, из одних только рёбер, соединённых сухожилиями из чистого звука. Череп твари был лишён нижней челюсти, а в пустых глазницах горел тот самый жжёно-кварцевый свет — свет Вопля, пойманного в костяную ловушку. Оно не издавало ни звука, но Ларс знал: оно кричит. Просто на частоте, которую не слышит человеческое ухо. Но слышит «Молчунья».

Гитара в его руках завибрировала сама. Струны, даже приглушённые войлоком, отозвались на инфразвук, словно живые. Ларс почувствовал, как резонатор нагревается, впитывая вибрацию, усиливая её, готовясь отдать обратно.

Он не стал ждать. Удар по струнам. Первый аккорд — открытая квинта, резкая, как пощёчина. Звук вырвался из резонаторного отверстия не волной, а клином, видимым в воздухе искажением, и ударил тварь в грудную клетку. Кости хрустнули. Вопль пошатнулся, но устоял. Из его глотки вырвался ответный вой — теперь уже в слышимом спектре, высокий, режущий, заставляющий кровь сворачиваться в жилах.

Ларс усмехнулся. Кровь у него и так сворачивалась последние десять лет. Этим его было не пронять.

— Громче, — прошептал он и сорвал войлок со струн.

Второй аккорд был другим. Не удар — поглаживание. Долгий, тягучий рифф, сплетённый из боли в левом предсердии и злости на весь этот мир. Звук вышел чёрным, почти материальным, и обрушился на тварь не клином, а сетью. Рифф Порядка, та самая частота, на которую были настроены нервы Барда, опутал костяное тело, прорезая сухожилия, дробя рёбра. Вопль забился в агонии, издавая звуки, напоминающие скрежет металла по стеклу, и начал рассыпаться, теряя материальность, превращаясь обратно в тот ужас и боль, из которых он был рождён.

Когда всё закончилось, на снегу осталась только горстка мелкой костяной крошки и запах горелого кварца. Ларс перевёл дух и провёл языком по пересохшим губам. Правая кисть дрожала от перенапряжения. Левая ладонь, прижимавшая струны к грифу, онемела. Он взглянул на пальцы: под ногтями набухала тёмная, почти чёрная кровь. Ещё один признак «остывания».

Он аккуратно обмотал струны войлоком и убрал «Молчунью» в чехол. До темноты оставалось часа два. Нужно было найти укрытие.

Часть третья. Ночная мелодия

Ночь в Ископаемом Лесу была самым опасным временем. Вопли, рождённые страхом и болью древней смерти, бродили между чёрными стволами, нашёптывая безумные песни. Чтобы не слышать их, Ларс забился в дупло гигантского окаменевшего дуба, завалил вход обломком коры и закрыл глаза.

Сон не шёл. Он слушал тишину. Она была не однородной. В ней были слои, как в пироге из мха и лишайника. Верхний слой — ветер, трущийся об обсидиан. Глубже — потрескивание остывающей земли. Ещё глубже — далёкий, на грани восприятия, гул Психосферы, самой души планеты, искажённой и больной. И где-то там, на самом дне, звучала мелодия. Не Вопль. Не Рифф. Просто мелодия, тихая и печальная, как колыбельная, которую поёт мать мёртвому ребёнку.

Он слышал её всегда, с тех пор как ослеп. Это была Песнь Земли. Та, которую Реквием помнил до катастрофы. Та, которую никто не мог воспроизвести. Ларс не знал, слышат ли её другие Барды. Он ни с кем не говорил об этом. Эта мелодия была его тайной, его проклятием и его единственным утешением.

Под это тихое, почти неразличимое звучание он наконец провалился в чуткий, звериный сон.

Часть четвёртая. Утреннее открытие

Утро пришло не светом, а запахом. Запах был чужеродным, резким, технологичным. Пахло горелым озоном, раскалённым металлом и вяленным мясом. Последний запах принадлежал Цензорам. Ларс открыл невидящие глаза ещё до того, как проснулось сознание. Рука привычно легла на гриф «Молчуньи». Пять струн тихо зазвенели, и этот звон, чистый и ясный, отогнал шёпот, как свет отгоняет тени. Рой отступил, но ненадолго — Ларс чувствовал его присутствие где-то на границе сознания, выжидающее, терпеливое.

Он выбрался из дупла бесшумно, как призрак. Войлок на унтах, многослойная одежда из кожи и меха, отсутствие металлических деталей — всё это делало его частью тишины. Он двинулся на запах, используя обсидиановые стволы как прикрытие.

Картина, открывшаяся его внутреннему зрению, была составлена из звуков и запахов.

Сначала — низкое, почти неслышное гудение заглохшего двигателя. Вездеход Цензоров, судя по акустическому рисунку, ушёл носом в сугроб и замер, накренившись на правый борт. Металл корпуса ещё потрескивал, остывая после аварии. Затем — запах крови. Много крови. Свежей, человеческой, смешанной с запахом того самого вяленого мяса, который источали одежды Цензоров, пропитанные консервантами.

И тишина. Глубокая, зловещая тишина, нарушаемая только едва слышным, прерывистым дыханием.

Ларс подошёл ближе, не скрываясь. Теперь его шаги были слышны: он намеренно позволил снегу захрустеть под унтами, предупреждая выживших о своём приближении. Бард в тылу Цензоров — это всегда угроза. Не стоило усугублять ситуацию внезапностью.

Вездеход лежал на боку, вспоротый снизу, словно консервная банка. Из разрыва в броне сочился дымок — горел резонатор белого шума. Вокруг, в неестественных, изломанных позах, лежали тела. Пятеро. Все в серых балахонах с капюшонами, скрывающими лица. Все мертвы. Но не от удара. Их убило нечто иное: плоть была иссушена, сморщена, как у мумий, а на месте

ртов зияли аккуратные, выжженные дыры. Типичная смерть от «Поцелуя Сирены» — Вопля, рождённого женским плачем.

Ларс нахмурился. Откуда в конвое Цензоров взяться женскому плачу? Женщин в их рядах не было уже лет тридцать.

И тут он услышал это. Не плач. Шёпот.

Тихий, почти невесомый, но пробирающий до костей. Он исходил из глубин искореженного вездехода. Это был даже не звук — вибрация, резонирующая с костями черепа, с зубами, с нервами. От этого шёпота у Ларса зашевелились волосы на затылке. «Молчунья» на плече отозвалась короткой, испуганной дрожью. Её струны, даже сквозь войлок, загудели сами собой. Такого не было никогда. Гитара не боялась Воплей. Она их поглощала. Но этот шёпот... он не был Воплем. Он был чем-то иным.

Ларс шагнул к разрыву в броне, отодвинул створку и замер на пороге.

Внутри, среди обломков аппаратуры и трупов, на коленях стоял последний выживший. Его балахон был распахнут, обнажая иссохшую грудь, на которой белели шрамы имплантаций. Лицо, наполовину скрытое маской усилителя, было обращено к Ларсу. Цензор был стар. Его глаза, выцветшие до белизны, смотрели в пустоту, но видели Барда. Он умирал. Жить ему оставалось считанные минуты.

А перед ним, сжавшись в комок, сидела девушка.

Она была одета в лохмотья, поверх которых был брошен чужой, слишком большой балахон с эмблемой Департамента Подавления. Светлые, почти белые волосы падали на лицо. Она дрожала, но не от холода. Губы её шевелились, и именно оттуда, из этих губ, исходил тот самый шёпот, который свёл с ума и убил пятерых вооружённых до зубов Цензоров.

— Бард... — прохрипел старик, увидев Ларса. Его голос был сух, как пепел. — Подойди... Приказ... Крови...

Ларс не двигался. Он не собирался принимать никаких приказов. Особенно от умирающего Цензора.

— Нет, — сказал Ларс спокойно. Он не собирался принимать никаких приказов. Особенно от умирающего Цензора.

Тот усмехнулся. Из уголка его рта потекла чёрная струйка. А потом он поднял руку, и в ней блеснул шприц-пистолет с иглой, покрытой инеем.

— Приказ... Крови... — повторил он и выстрелил.

Ларс дёрнулся, но игла всё равно вошла ему в шею, чуть выше кадыка. Мир взорвался болью. Не той, привычной, которую он носил в себе годами, а новой — всепоглощающей, скручивающей внутренности в узел. Он упал на колени, хватая ртом воздух, и почувствовал, как по нервным волокнам «Молчуни», по тем самым кабелям, что соединяли его с гитарой, побежал чужеродный, ледяной код. Приказ. Он запечатлевался не в мозгу — в самом сердце гитары. Его инструмент становился тюрьмой.

— Слушай... — голос Цензора слабел. — Она — Резонатор. Белый Шёпот. Ты... ты доставишь её... в Центр Тьмы... К Устью... И там... активируешь...

— Пошёл. Ты. В. Тишину, — выдавил Ларс сквозь сжатые зубы, борясь с волнами боли, накатывающими от каждого удара сердца.

— ...активируешь её голос. На полную мощность. Через... свой... усилитель. — Цензор перевёл взгляд на девушку, и в его мёртвых глазах мелькнуло нечто вроде благоговейного ужаса. — Она споёт. И мир... очистится... навсегда...

Ларс понял. Он понял всё сразу, в долю секунды. Это был не приказ сопровождения. Это был приказ на казнь. На геноцид. Они хотели использовать эту девушку, этот «Белый Шёпот», как оружие абсолютного обнуления. Как последний, финальный аккорд, который убьёт всю психосферу, всех Воплей, а вместе с ними — всё живое, что ещё цеплялось за существование

на этой проклятой планете. И его, Ларса, его «Молчунью», его тело, превращённое в ходячий усилитель, они выбрали спусковым крючком.

— Ты... не посмеешь послушаться, — прошептал Цензор и рухнул лицом в снег. Его дыхание прервалось.

Ларс остался стоять на коленях, хватая ртом обжигающе холодный воздух. Боль в шее стихала, но на смену ей приходило другое ощущение — тянущее, неотвратимое. Словно стальной трос обвил его внутренности и тянул на север. В Центр Тьмы. Приказ начал действовать.

Девушка подняла голову.

Её лицо было бледным до прозрачности, губы — синими, а глаза — цвета старого, выцветшего неба. Она посмотрела на Ларса, и её шёпот, на секунду затихший, возобновился. Но теперь Ларс различал слова. Это была та самая мелодия. Та, что он слышал на дне тишины, в глубине сна. Песнь Земли. Девушка пела её — тихо, едва слышно, словно извиняясь за то, что вообще существует.

Ларс Кривозвуч, старый слепой Бард, плюнул чёрной кровью на снег и медленно, преодолевая боль и бешенство, поднялся на ноги. Приказ тянул его на север. Но он, как старый волк, умел огрызаться даже с удавкой на шее. Он не знал, что будет делать. Он знал только одно: он найдёт способ обмануть и Приказ, и Цензоров, и саму Смерть. Потому что его последний рифф ещё не прозвучал.

Он протянул девушке руку.

— Вставай, — сказал он. Его голос был хриплым, как лай голодного зверя. — Нам долго идти.

И Белое Безмолвие сомкнулось вокруг них, чтобы слушать эту новую, невозможную песню.

Глава 2. Приказ в чужой крови

Часть первая. Чужой груз

Девушка не взяла его руку. Она смотрела на протянутую ладонь — чёрную от вьёвшейся ртути, с обломанными ногтями и синеватой прожилкой остывания под кожей — так, словно это была ядовитая змея. Её дыхание оставалось прерывистым, мелким, и шёпот, тот самый шёпот, от которого кости Ларса всё ещё вибрировали, не утихал, а лишь затаился где-то на грани слышимости. Она не доверяла ему. И правильно делала.

— Оглохла? — голос Ларса прозвучал грубее, чем он хотел. Приказ пульсировал в шее, тянул на север, и эта тяга делала его злее обычного. — Вста-вай. Времени нет.

Девушка медленно, цепляясь за искорёженный металл, поднялась. Её движения были угловатыми, дёргаными, как у сломанной заводной игрушки. Когда она выпрямилась, Ларс понял, что она ниже его почти на голову. Тощая, с выступающими ключицами и тонкими запястьями. Такие долго не живут в Белом Безмолвии. Такие умирают в первую же ночь, если рядом нет того, кто умеет выгрызть жизнь у льда.

Шёпот стал чуть громче. Теперь Ларс слышал его не только костями, но и резонатором «Молчуньи». Гитара на спине вибрировала, словно гигантский камертон, настроенный на частоту девушки. Это было неприятно. Это было неправильно. Инструмент должен отвечать только на его волю, только на его боль. А сейчас он пел чужую песню.

— Заткнись, — бросил он, не оборачиваясь. — Твой шёпот. Приглуши. Иначе сюда сбегутся все твари от Стеклянного Пика до Ледяного Перевала.

Шёпот не стих. Он стал тише, но не исчез. Девушка посмотрела на него — он чувствовал этот взгляд затылком, как чувствовал всё в последние десять лет, — и в её глазах цвета выцветшего неба стояла такая глубокая, такая безнадежная усталость, что Ларс невольно отвёл лицо. Он видел такие глаза у волчиц, попавших в капкан. Они не просили пощады. Они просто ждали, когда всё закончится.

— Как тебя зовут? — спросил он, уже мягче.

Молчание. Только шёпот. Песнь Земли, звучащая из её губ, как вода сочится из трещины в леднике.

— Имя, — потребовал он. — У тебя есть имя?

— Айя, — выдохнула она. Её голос был тише шёпота. И всё же, когда она произнесла это короткое, из двух слогов, слово, Ларс почувствовал, как что-то изменилось. Воздух стал плотнее. Вкус озона усилился. А «Молчунья» на спине издала низкий, почти утробный гул, какой издаёт сытый зверь. Гитара узнала её. Гитара признала.

Ларс сжал зубы. Всё становилось только хуже.

— Айя, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Меня зовут Ларс. Ларс Кривозвуч. И у нас большие проблемы, девочка. Ты идёшь со мной. Не потому, что я этого хочу. Потому что мне вшили в хребет приказ, и теперь я не могу ни убить тебя, ни бросить, ни даже позволить тебе замёрзнуть. Ты — мой груз. Поняла?

Она не ответила. Только шёпот изменил тональность — стал ниже, печальнее. И Ларс понял: да, она поняла. Она поняла всё. И то, что он говорит, и то, что он чувствует, и то, что его приказ ведёт их к её смерти. Она знала это с самого начала. Возможно, знала всегда.

Он отвернулся и пошёл на север. Приказ тянул, как ошейник с шипами. За спиной слышались тихие, неуверенные шаги. Она пошла за ним. А куда ей было деваться?

Часть вторая. Маршрут и боль

Идти стало сложнее. Не из-за снега и не из-за холода — к этому Ларс привык за десять лет скитаний. Сложность была в том, что теперь он отвечал не только за себя. Приказ требовал доставить груз в целости, и это означало, что он не мог идти своим обычным темпом —

быстрым, рваным, на грани бега. Девушка не выдерживала и половины его скорости. Она спотыкалась на каждом третьем шагу, дышала тяжело, с присвистом, и её шёпот, этот проклятый шёпот, то затихал, то возобновлялся, как неровное дыхание больного зверя.

К полудню они вышли из Ископаемого Леса. Чёрные обелиски деревьев расступились, открывая бескрайнюю белую равнину — русло высохшей реки Стикс. Когда-то здесь текла вода, а может, и не вода, а что-то иное — сжиженный звук или расплавленная тишина. Теперь же Стикс был дорогой мёртвых: ровной, безжизненной полосой, уходящей за горизонт, где небо сливалось со льдом в единую серую пелену. Ни столбов, ни ориентиров. Только ветер и тишина.

Ларс остановился у границы леса, развязал чехол и достал карту, вытатуированную на коже гудуна. Карты Цензоров были особым искусством: их не рисовали, их впечатывали в плоть, используя чернила из толчёного обсидиана и жидкой ртути. Когда подносишь такую карту к теплу ламп, проступают линии и руны, видимые только при определённой частоте мерцания. Ларс приложил кожу к корпусу «Молчуны», туда, где теплилась одна из трёх ртутных ламп. Карта ожила.

Он провёл пальцем по маршруту, который вырисовывался сам собой, подчиняясь Приказу. Русло Стикса — двадцать пять километров. Затем подъём на Ледяной Перевал — десять километров, но каких: вертикальных, с разрывами в леднике и акустическими ямами. Затем спуск в долину Вечных Ветров. Затем... Он не знал, что затем. Приказ обрывался там, куда не ступала нога ни одного Барда. Центр Тьмы. Устье. Место, которого нет на картах.

— Долго? — спросила Айя за его спиной.

Он не слышал, как она подошла. Вот что было страшно: её шаги не издавали ни звука. Даже снег под её ногами молчал, словно сама планета боялась нарушить её тишину.

— Дней десять, — ответил он, сворачивая карту. — Может, больше. Если твари полезут, можем задержаться. Если буран — ещё на пару дней. Воды у нас нет. Еды — на три дня, если экономить. Ты умеешь ставить силки?

— Нет.

— Научу. Без еды мы сдохнем раньше, чем доберёмся до твоего Устья. А Приказу всё равно, в каком ты будешь состоянии — живой, мёртвой, обмороженной. Ему нужно, чтобы ты спела. Спеть ты можешь и без ног.

Она вздрогнула. Ларс пожалел о сказанном, но поздно. Слова были как рифф — сорвал с войлока, и обратно не замотаешь.

— Я не хочу петь, — прошептала она. — Я никогда не хотела. Это... оно поёт само.

— Знаю, — сказал Ларс. — Поэтому ты и здесь. Поэтому Цензоры везли тебя в бронированной клетке, а не прикончили на месте. Ты — оружие. Оружие не спрашивают, чего оно хочет.

Он закинул гитару за спину и двинулся вперёд, в русло Стикса. Снег здесь был глубже, но плотнее — слежавшийся за долгие годы, спрессованный ветрами в подобие камня. Идти было легче, чем в лесу, но простор давил. На открытом пространстве Вопли чувствовали себя вольготно. Они приходили из ниоткуда, материализуясь из страха и воспоминаний, и нападали без предупреждения. Ларс знал: рано или поздно они появятся. Вопрос был только в том, когда.

И они появились.

Часть третья. Второй Вопль

На этот раз Ларс почуял их раньше — не запах, а вибрацию в костях. Низкую, давящую, от которой ныли зубы и темнело в висках. Он остановился и поднял руку, приказывая Айе замереть. Она послушалась. Уже кое-чему научилась.

— Ложись, — сказал он. — В снег. Закрой уши и не высовывайся, что бы ни услышала.

— А ты?

— А я буду играть.

Она легла, утонув в снегу почти с головой. Ларс стянул «Молчунью» с плеча и сорвал войлок со струн. На этот раз он не ждал. Первый аккорд взял сразу, на опережение — резкий, диссонирующий, режущий воздух, как нож. Звук ушёл вперёд широкой дугой, вспорол снежную целину, и там, впереди, из-под земли ударили фонтаны ледяной крошки. Твари вылезали сразу с двух сторон.

Их было трое. Не такие крупные, как вчерашний ребристый гигант, но опаснее: подвижные, юркие, похожие на ободранных собак с головами-черепами и хвостами из чистого, видимого глазу инфразвука. Они передвигались рывками, оставляя за собой шлейф из искажённого воздуха, и издавали звук, похожий на скрежет ногтя по стеклу — высокий, рвущий барабанные перепонки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.